РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

***J. Breuillard, S. Viellard*. Histoire de la langue russe, des origines au XVIII^e^ siècle.** Paris: Institut d'études slaves, 2015. 318 p. (Collection de manuels de l'Institut d'études slaves, 15.) ISBN 978-2-7204-0534-1.

Павел Владимирович Петрухин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; ppetrukhin@gmail.com

Pavel V. Petrukhin

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; ppetrukhin@gmail.com

Книга, написанная профессорами Сорбонны Жаном Брейаром (безвременно ушедшим из жизни в 2011 г.) и Стефаном Вьелларом, представляет собой университетское руководство для студентов, уже прошедших курс современного русского языка и приступающих к изучению его истории. Как пишут авторы в предисловии (с. 7), «[e]lle voudrait guider les premiers pas du lecteur désireux de lire les textes vieux-russes» (цель книги — направить первые шаги читателя, намеревающегося читать древнерусские тексты). Основу книги составляют очерки древнерусской морфологии, лексики и синтаксиса. Во вводных главах характеризуется сам предмет исторической лингвистики, место русского языка в индоевропейской языковой семье, рассказывается о создании славянского алфавита и начале славянской письменности. Затем идут краткие сведения о становлении письменности у восточных славян и о древнерусской палеографии. В главе «L'histoire de l'écrit chez les Slaves orientaux» рассказывается об изменениях, которым подвергся древнерусский (и впоследствии русский) алфавит вследствие второго южнославянского влияния и орфографической реформы Петра I. Что касается собственно описания древнерусской грамматики, то, пожалуй, самой оригинальной его частью является раздел о синтаксисе. Эта область остается наименее разработанной в исторической русистике, в силу чего грамматические описания обычно либо вовсе обходят ее стороной, либо ограничиваются краткими замечаниями. На этом фоне книга французских славистов оказывается приятным исключением: здесь освещаются не только традиционные вопросы вроде падежной семантики, но и такие аспекты, как порядок слов, структура сложного предложения, коммуникативная структура фразы, употребление клитик. При этом учитывается новейшая литература — в частности, в главе «Клитики» излагается концепция книги А. А. Зализняка [2008]. В главе «Предлоги» характеризуется не только употребление, но и этимология слов данного класса. Отдельная глава посвящена лексике и словообразованию. Наконец, последняя глава рассказывает о древне- и старорусской фразеологии — пословицах, поговорках, устойчивых эпитетах и т. д. По ходу изложения материала авторы не упускают возможностей провести параллели между историей русского и французского языков, что полезно не только в практическом (как иллюстрация разбираемых явлений на более близком читателю материале), но и в теоретическом плане — например, для понимания судьбы древнерусских претеритов.

В то же время нельзя не отметить, что содержание книги не вполне соответствует ее названию — «История русского языка от истоков до XVIII в.». Что бы ни понималось под «историей языка» (см. о различных трактовках этого понятия [Подтергера 2015]), подобное название предполагает хронологически последовательный рассказ о динамике развития языка в обозначенный период. Однако в рецензируемой книге нет ни связной

картины образования «живого великорусского» языка на базе множества восточнославянских диалектов, ни цельной концепции истории письменного языка. Можно, конечно, возразить, что историческая русистика пока не предложила подробно разработанной, стройной концепции истории разговорного и письменного языков Древней Руси, которую можно было бы изложить в относительно компактном виде. И все же выбранное авторами название обязывает к тому, чтобы наметить хотя бы основные линии развития языка от начала письменности до XVIII в. В настоящем виде книга по сути является очерком (или очерками) грамматики древнерусского языка — с отдельными экскурсами в предысторию (праславянскую и индоевропейскую) и в современное состояние русского языка.

Попытка дать общую характеристику языковой ситуации Древней Руси и назвать основные этапы развития русского языка сделана в двухстраничном предисловии к книге, однако некоторые из содержащихся там высказываний вызывают удивление. Так, по мнению авторов, «общий» восточнославянский язык имел место до разгрома Киева татарами в 1240 г., после чего возник собственно древнерусский язык, в свою очередь с XV в. уступивший место старорусскому («l'ancien slave oriental est relayé à partir de la chute de l'État kiévien (prise de Kiev par les Tatars en 1240) par le vieux russe proprement dit, du milieu du XIII^{e} siècle jusqu'au XV^{e} siècle. À partir du XV^{e} siècle, le terme "vieux russe" désignera ici la branche spécifiquement grand-russe, appelée alors "moyen russe"», с. 7). Это неверно как с исторической, так и с лингвистической точки зрения: Киев утратил роль политического центра единой Руси задолго до взятия его татарами в 1240 г.; еще более странно рассматривать это событие как некую веху в истории восточнославянских языков. Процитированные выше слова не разъясняются ни в предисловии, ни в самой книге, так что читателю остается лишь гадать, в чем заключалось преобразование «древнего восточнославянского» («l'ancien slave oriental») в «древнерусский в собственном смысле слова» («le vieux russe proprement dit») и почему именно с XV в. начинается отсчет нового — «среднерусского» («moyen russe») — периода в истории языка.

В книге встречаются некоторые явно устаревшие положения — например, о том, что процесс падения / прояснения редуцированных зависел от ударения в слове («Un *jer* était en position forte quand il était placé sous l'accent de mot», с. 85), или о том, что повтор предлогов внутри именной группы имел целью выделение «важных элементов» («la mise en relief des éléments importants», с. 178), ср. обсуждение и аргументированную критику этих положений в [Worth 1982; Klenin 1989; Зализняк 2004: 164—166].

В настоящее время серьезных оговорок требует и вполне традиционное утверждение, что «jusqu'au XIV^{e} siècle, on peut considérer que le vieux russe est un: il n'y a pas de différences considérables entre ce qui deviendra le russe, le biélorussien et l'ukrainien», с. 59 (вплоть до XIV в. можно считать, что древнерусский язык един: нет существенных различий между тем, что в дальнейшем станет русским, белорусским и украинским). Будучи в целом верным, это замечание игнорирует то обстоятельство, что в раннюю эпоху восточнославянское языковое пространство делилось на две части, граница между которыми пролегала отнюдь не там, где ныне проходят границы трех восточнославянских языков, а именно: северо-западные (новгородско-псковские) диалекты были противопоставлены диалектам центра и юга. На этом фоне о единстве древнерусского языка можно говорить лишь с некоторой условностью. Вообще древненовгородскому диалекту авторы уделяют недостаточное внимание, сообщая о нем лишь отрывочные сведения. Так, сказано об отсутствии в древненовгородском второй палатализации (с. 66), но не упомянуто о том, что в нем не в полной мере осуществилась и третья палатализация [Зализняк 2004: 46—47].

Раздел о древнерусском плюсквамперфекте (под которым авторы понимают как формы типа *бѣше пришьлъ*, так и сверхсложные конструкции типа *ѥсмь былъ пришьлъ*) содержит замечание о частицах *было* и *бывало* в современном русском языке, где, в частности, сказано, что «elles sont le produit du figement, au neutre singulier, des auxiliaires des anciens parfaits du vieux russe», с. 146 (они представляют собой застывший в форме ср. р.,

ед. ч. вспомогательный глагол старого древнерусского перфекта). В этой фразе сразу две ошибки: остатком вспомогательного глагола является только *было*, в то время как *бывало* восходит к сериальной конструкции [Сичинава 2013: 289]; при этом *было* происходит от вспомогательного глагола сверхсложного плюсквамперфекта, а не от перфекта (видимо, это просто описка, так как замечание о частицах помещено в раздел «Плюсквамперфект»).

Еще более странно выглядит утверждение (с. 190) о том, что современные диалектные конструкции типа *был выпивши* восходят к сугубо книжному древнерусскому сочетанию ‘*быти* + причастие настоящего времени’ (*бѣ ходѧ*). Формы типа *был выпивши*, иногда называемые «новым плюсквамперфектом», не имеют ничего общего с книжной конструкцией ни формально, ни семантически; кроме того, в древнерусской письменности довольно рано засвидетельствованы конструкции, которые действительно можно с полным основанием связывать с современными формами, ср.: *И ту наѣхаша пещеру непроходну, в неиже* ***бяше*** *множьство Чюди* ***влѣзше*** (НПЛ Синод., 1269 г., с. 86)[1].

В ряде случаев попадаются сомнительные этимологии. Так, авторы иллюстрируют действие индоевропейского аблаута на примере слов *связь* и *узда* (с. 105), хотя отнюдь не очевидно, что эти слова восходят к одному корню [Фасмер, IV: 153]. Слово *дождь* в книге возводится к **dus-dius* ‘плохая погода’ (с. 249), хотя исследователями давно отмечалась сомнительность этой идеи: для сельских жителей дождь — не несчастье, а благо; в то же время для данного слова существует более правдоподобная этимология, о которой авторы не упоминают [Там же, I: 521—522]. Не бесспорно также возведение слова *шиворот* к **шивоворот* (с. 259) [Там же, IV: 436].

Судя по переводам с древнерусского на французский (специально этот вопрос не обсуждается), авторы книги полагают, что все древнерусские сочетания глагола *хотѣти* в настоящем времени с инфинитивом имеют значение будущего времени. Между тем данное значение имеет лишь небольшая часть этих сочетаний [Юрьева 2015]. В частности, из трех примеров, встретившихся в книге, значение будущего представлено лишь в одном:

> єда приведоша Моисѣѧ предъ Фаравона и рѣша старѣишина Фарawнѧ. се хочеть смⷦ-рити wбласть Єюпетьскую (Лавр.: стб. 17)[2] — «Quand on amena Moïse devant Pharaon, le conseil des Anciens dit: “cet homme humiliera le pays d’Égypte”» (с. 195).

Однако это значение отсутствует в двух других примерах, которые авторы переводят таким же образом:

> не любо ми єсть в Києвѣ бъıти. хочю жити с Переѧславци в Дунаи (Лавр., 969 г., стб. 67)— «Il ne m’agrée pas d’être à Kiev, je vivrai à Pereïaslavets sur le Danube» (с. 183);

> присла въ Новъгородъ, ѧко не хоцю оу васъ кнѧжити (НПЛ Синод., 1168 г., с. 32) — «litt. ‘il envoya á Novgorod que [:] je ne serai pas votre prince’ = ‘il envoya un émissaire à Novgorod pour dire qu’il ne serait pas leur prince’» (с. 204).

Очевидно, что в последних двух примерах глагол *хотѣти* выступает в своем прямом лексическом значении.

Ошибки содержат также следующие переводы:

> Аще в женѣ лихїи неджгъ бжде^{т}, или слѣпа, или длъгаа болѣзнь, про то не пжсти^{т} ее — «Si une femme a un grave handicap, ou si elle est aveugle, ou si elle a une longue maladie, pour cette raison ne pas la laisser entrer [dans l’église]» (с. 173).

---

[1] Новгородская первая летопись по Синодальному списку, цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Наука, 1950.

[2] Цит по: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Языки русской культуры, 1997.

По мнению авторов, устав[3] запрещает пускать больную жену в церковь. В действительности речь идет о том, что болезнь жены не является основанием для расторжения брака: глагол *поустити* означает здесь ‘развестись’.

> Аще котораа жена извръжетъ отроча҃. ѣ̄ лѣт⟨ѣ⟩ покает’ сѧ — «si une femme rejette son enfant, qu’elle se repente pendant deux années» (с. 207).

В Синайском евхологии говорится не об отказе от ребенка, а об аборте (что как минимум не очевидно из французского перевода), ср. [ССЯ, I: 729] .

> Не корабль топит человѣки, но вѣтръ; тако же и ты, княже, не сам владѣеши, в печаль введут тя думцы твои. — «Ce n’est pas le navire qui noie les hommes, mais le vent; de même toi, ô Prince, tu ne gouvernes pas toi-même, tes pensées te conduisent à la tristesse» (с. 265).

«Думцами» в Молении Даниила Заточника называются не мысли князя, а его советники, ср. там же: *Зъ добрымъ бо думьцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думъцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ* (цит. по [Срезн., I: 744]).

Несмотря на перечисленные проблемы и недостатки, можно надеяться, что новая книга, содержащая множество увлекательно изложенных сведений из истории русского языка, пробудит у читателей интерес к данному предмету и его дальнейшему изучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2004.]

Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul’tur, 2008.]

Подтергера 2015 — Подтергера И. А. Что такое история языка? // Slověne. 2015. № 1. С. 394—455. [Podtergera I. A. What is the history of language? *Slověne*. 2015. No. 1. Pp. 394—455.]

Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press Kniga, 2013.]

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893—1903. [Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written texts]. Vol. I—III. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1893—1903.]

ССЯ I—IV — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. Т. I—IV. СПб., 2006 (= Slovník jazyka staroslověnského. I—IV. Praha, 1958—1997). [*Slovar’ staroslavyanskogo yazyka* [A dictionary of the Old Slavic language]. Reprint ed. Vol. I—IV. St. Petersburg, 2006 (= Slovník jazyka staroslověnského. I—IV. Praha, 1958—1997).]

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. / Изд. подгот. Щапов Я. Н. М.: Наука, 1976. [*Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI—XIV vv.* [The Old Russian princely statutes of the XI—XIV centuries]. Prepared by Shchapov Ya. N. Moscow: Nauka, 1976.]

Юрьева 2015 — Юрьева И. С. Охъ же ти хощеть быти! // Андрею Анатольевичу Зализняку к 80-летию от коллег, друзей и учеников [Yur’eva I. S. Okh’’ zhe ti khoshchet’ byti! *Andreyu Anatol’evichu Zaliznyaku k 80-letiyu ot kolleg, druzei i uchenikov.*] Available at: http://www.inslav.ru/zalizniak80/conv gratulations/Yurjeva.pdf

[3] Авторы не уточняют, откуда именно взята цитата, ограничиваясь указанием на то, что речь идет о церковном законодательстве (Réglement ecclésiastique), однако цитата почти дословно совпадает с текстом Устава князя Ярослава о церковных судах, ср. [Щапов 1976: 87].

Klenin 1989 — Klenin E. On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian. *Russian Linguistics*. 1989. Vol. 13. Pp. 185—206.

Worth 1982 — Worth D. S. Preposition repetition in Old Russian. *Linguistics and poetics. Studies for Edward Stankiewicz on his 60th Birthday 17 November 1980. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1982. Vol. XXV/XXVI. Pp. 495—507.

L. Kulikov, N. Lavidas **(eds.). Proto-Indo-European syntax and its development.**

Amsterdam: John Benjamins. 2015. 158 p. ISBN 978-90-272-6828*.

Мария Александровна Молина

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; maria.lakhuti@gmail.com

Maria A. Molina

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; maria.lakhuti@gmail.com

Рецензируемый сборник посвящен вопросам реконструкции синтаксиса праиндоевропейского языка. В основу сборника легли материалы заседания рабочей группы «Праиндоевропейский синтаксис и его развитие» (PIE syntax and its development), прошедшего 1—2 апреля 2011 г. в Университете имени Аристотеля в Салониках (Греция), в рамках XX Международного симпозиума по теоретической и прикладной лингвистике (20th International symposium on theoretical and applied linguistics). Заседание в Салониках собрало вместе индоевропеистов, типологов и синтаксистов, и его основной задачей было формирование консенсуса по таким сложным вопросам исследования праязыка, как эргативный / активный строй, нейтральный порядок слов, маркирование субъекта и объекта. Предварительные итоги этого заседания были впервые отражены в 2013 г. в специальном выпуске «Journal of Historical Linguistics» (Vol. 3, No. 1), а спустя еще два года собраны под одной обложкой в рецензируемом сборнике.

Ключевые для статей этого сборника вопросы таковы: возможна ли в принципе реконструкция синтаксиса? какие синтаксические параметры могут быть восстановлены для праязыка? каковы современные подходы к такой реконструкции? что может дать реконструкция праиндоевропейского языка для развития лингвистики в целом? что можно сказать о таких категориях раннего и позднего праиндоевропейского языка, а также древних индоевропейских языков, как переходность, залог и категория состояния? каков нейтральный порядок слов праиндоевропейского языка и как проходила его эволюция в индоевропейских языках? каков синтаксис относительных придаточных, а также других типов придаточных предложений в праиндоевропейском языке? какой была их эволюция? каков синтаксис нефинитных форм (инфинитивов, конвербов и т. п.)?

В открывающей сборник статье («Reconstructing Proto-Indo-European categories: The reflexive and the middle in Hittite and in the Proto-language») итальянские хеттологи из Университета Вероны Паола Котичелли-Куррас (Paola Cotticelli Kurras) и Альфредо Рицца (Alfredo Rizza) исследуют развитие категории рефлексива в хеттском и сравнивают хеттский рефлексив с глагольной стратегией его маркировки в балтийских языках. Как известно, рефлексив в хеттском может быть выражен как с помощью глагольных окончаний «медия», так и с помощью энклитической частицы *-za*, занимающей вакернагелевскую позицию (2P). Прочие анатолийские языки также имеют глагольные окончания, маркирующие

* Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем». Автор благодарит А. В. Сидельцева, А. С. Касьяна и Г. С. Старостина, чьи комментарии значительно обогатили содержание рецензии. Ответственность за все ошибки несет исключительно автор.